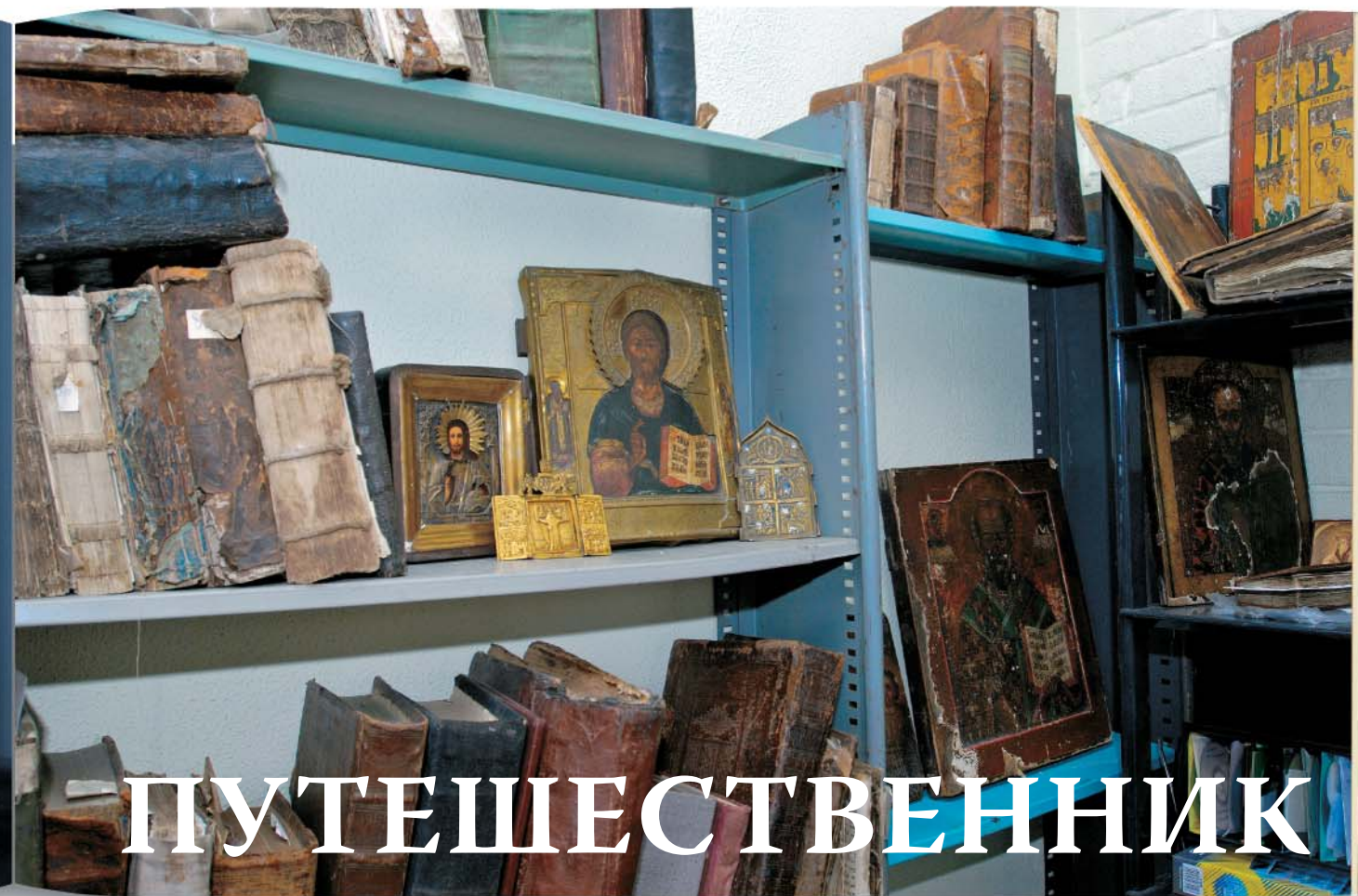

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВЕННИК

за редкими книгами

К юбилею академика Н.Н. Покровского

ПОКРОВСКИЙ Николай Николаевич – действительный член РАН, советник РАН, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН (Новосибирск), председатель Сибирского отделения Археографической комиссии РАН. Основатель научной школы сибирских археографов и источниковедов. Награжден Демидовской премией (1995 г.), орденами Почета, Дружбы, свт. Макария III ст., прп. Сергия Радонежского III ст.

Книги из Собрания старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН

В 2010 г. исполняется 80 лет со дня рождения видного историка и археографа Николая Николаевича Покровского. Ему принадлежит множество ярких открытий в самых разных областях исторического знания. С именем Покровского связано «археографическое открытие Сибири»: десятки археографических экспедиций, проведенных под руководством Покровского и его учеников, позволили создать одно из крупнейших в стране собраний древнерусских рукописей и старопечатных книг, открыть неведомый дотоле мир письменной культуры крестьян-староверов, проживающих на огромной территории от Урала до Дальнего Востока. Мы предлагаем вниманию рассказ юбиляра об увлекательных «путешествиях за редкими книгами», дополненный фрагментами из его книги, написанной по материалам экспедиционных и архивных разысканий

Ключевые слова: археография, источниковедение, текстология, история старообрядчества
Key words: archaeography, source studies, textology, history of Old Belief

В начале 1965 г. мы с Тихомировым показали коллекцию руководителем Сибирского отделения академиком М. А. Лаврентьеву и А. Л. Яншину. Тогда и договорились об условиях ее передачи в ГПНТБ*, о начале археографических экспедиций СО РАН и о моем переезде в Академгородок.

Летом и осенью 1965 г. я перевез книги Тихомирова в Новосибирск, и в следующем году мы с моей женой З. В. Бородиной отправились в первую сибирскую экспедицию. Мы с учениками, а также коллеги Е. К. Ромодановская, Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев, провели десятки и десятки экспедиций – от Приполярного Енисея до южных границ Киргизии, от Зауралья до Дальнего Востока.

Первое путешествие

Сложности встречались на каждом шагу. Мы ведь направлялись не просто в деревни, населенные староверами, а в самые замкнутые их поселения – скиты. Людей туда не особо пускали, на разговор шли неохотно, могли воды не дать, а если и давали, могли разбить посуду, из которой человек пил, как поганую.

Неоценимую помощь в этом деле нам оказали советы наипервейшего нашего археографа, создателя книгохранилища Пушкинского дома В. И. Малышева: как держать себя со староверами, как к ним приходиться, задавать вопросы, как прощаться и т. д. Важным аргументом в пользу общения с нами стало наше хорошее

* Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН

Н. Н. Покровский родился 20 июня 1930 г. в Ростове-на-Дону. Прадед Покровского был священнослужителем, дед – начальником юридического отдела Управления Северо-Кавказской железной дороги. Отец, Николай Ильич Покровский, – известный историк, первый декан историко-филологического факультета Ростовского государственного университета. Предки со стороны матери, врача-невропатолога Татьяны Андреевны Прасоловой, – курские крестьяне. Дед Андрей в поисках духовной истины обошел странником пол-России, был в Ясной Поляне, осел в конце концов в Ростове-на-Дону.

Семья, состоящая из незаурядных людей, богатая библиотека на нескольких языках заложили тот прочный нравственный фундамент, который помог ему выстоять во всех испытаниях «железного» XX в. и сохранить неизменным главное качество натуры – неутолимое стремление к познанию.

Учеба в Московском университете, аспирантура и работа на кафедре источниковедения МГУ приобщили Покровского к лучшим традициям московской исторической школы. Его учителями были такие прославленные ученые, как академики М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков, профессора Н. Л. Рубинштейн, П. А. Зайончковский. Молодой исследователь принял участие в подготовке справочника «История советского общества в воспоминаниях современников. 1917—1957». Однако вышел он без его фамилии: в 1957 г. Покровский был арестован КГБ за участие в подпольной группе историков (знаменитое «дело Краснопеццева») и приговорен к шести годам заключения. Так молодой историк расплатился за иллюзии относительно радикальности хрущевской «оттепели».

Семья Покровских незадолго до революции
В центре – прадед о. Феодор. Слева направо: его дети Илья Федорович (дед Покровского), Мария Федоровна, Василий Федорович, Анна Ивановна (бабушка) и Николай Ильич (отец)
Ростов-на-Дону, 1917 г.

Н. Н. Покровский. Ростов-на-Дону. 1950 г. (вверху слева)

Вернуться к работе Покровский смог лишь в 1963 г. Два года он проработал во Владимиро-Суздальском музее, а в 1965 г. переехал в новосибирский Академгородок, где сразу же занялся большим научным проектом – поиском на территории Сибири памятников древнерусской книжности.

В своей профессиональной сфере Покровский всегда работал как подлинный археограф, занимаясь не только поиском, описанием и публикацией письменных свидетельств прошлого, но и тщательным их изучением – источниковедческим, текстологическим, историческим. Когда в советской историографии только начинали писать о том, что в центре исторического исследования должен стоять человек, Покровский уже несколько десятилетий насыщал свои работы яркими характерами и судьбами людей, встречавшихся ему на страницах древних рукописей: крестьян, торговцев, чиновников, воевод, причудливо сочетающих в своем идейном багаже официальное православие и староверие, язычество и христианство.

До середины XX в. считалось, что в Сибири древнерусская книжность представлена крайне бедно. И действительно, освоение края русскими переселенцами началось только в XVII в., какие уж тут древние книги!

Однако уже первые экспедиции Археографической комиссии Академии наук СССР, проведенные в конце 1950-х гг., показали: древняя книга в Сибири есть. Правда, искать ее непросто: старообрядчество в Сибири сохранилось лучше, чем в европейской части России, отсюда – и особое отношение к книге, и недоверие к чужакам.

Очевидно, что Сибири нужен был свой археографический центр. В основание его глава комиссии и мой учитель академик М. Н. Тихомиров решил положить собранную им за многие годы ценнейшую коллекцию древних книг. Этот щедрый подарок давал возможность университетской молодежи на подлинниках учиться непростому делу определения, чтения и датировки манускриптов.

В экспедиции по р. Убе (Рудный Алтай). Рядом с Покровским матушка Меланья. 1970 г.

Просушка книг из собрания отца Палладия. Весной ручей разливался, в ущелье становилось влажно, и книги отсыревали. Николаю Николаевичу удалось уговорить владельца собрания воспользоваться их присутствием и устроить просушку всей библиотеки

Праздники крюковые. Нотная рукопись начала XIX в. Привезена из Амурской области в 1980-х гг. *Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН*

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

знание истории старообрядчества, особенно XVII в., которую сами старообрядцы знали уже плохо.

Был у нас и один ценный подарок, раскрывший перед нами многие двери, – большой кусок хорошего церковного ладана. К тому времени старообрядцы уже давно не пользовались на богослужениях настоящим ладаном, одними эрзацами. Позже я нашел в одном заброшенном сарае несколько ящиков ладана, конфискованных когда-то советской властью, так что наш запас пополнился.

Но чтобы уговорить староверов отдать книги, одного ладана недостаточно. Часто книги приходилось менять, хотя археографы не любят об этом распространяться. На этот случай мы создали специальный обменный фонд из произведений, не представляющих особого интереса для науки, но важных для старообрядцев. Нередко книги попросту выкупали. В деревнях (не в скитах, конечно) они подчас доставались людям, далеким от веры, и те рады были их отдать за любую цену – не то что сегодня, когда за книгу могут запросить сумму, в десять раз превышающую ее реальную стоимость.

Что больше всего меня поразило в той экспедиции? Конечно же, строй, старообрядческий монастырский быт, но больше всего – блестящее книжное собрание, обнаруженное в первом же из скитов. Отец Палладий, хозяин скита, собирал его многие годы. Никогда не забуду, как он картинно отдернул занавеску, а там – полка за полкой, заставленные изданиями дониконовского времени, то есть до середины XVII в.!

Через пару лет после кончины Палладия его книги, как водится у старообрядцев, раздавали приехавшим на поминки. Так уникальные издания разошлись по всему сибирскому старообрядческому миру. Две книги удалось получить и нам – сейчас они хранятся в ГПНТБ.

Мы сидели на небольшой поляне близ мастерской по переписке книг. Вся она плотно заставлена раскрытыми рукописями всевозможных размеров, от огромной Толковой псалтыри весом более пуда до крохотного месяцеслова. Мне удалось уговорить хозяина скита, отца Палладия, устроить просушку его библиотеки. Ветер медленно перебирал листы книг, беседа неторопливо переходила с одного сюжета на другой. Поглядев на нотную (крюковую) книгу, старик вспомнил, как обучался перед русско-японской войной петь «по крюкам». Тогда он даже инсценировал самоубийство, чтобы его не искали родные и он смог получить для обучения несколько лет досуга.

Заговорили о том, как часто гибли и гибнут книги, – следы огня или плесени виднелись на многих книгах вокруг нас. Отец Палладий пересказал известную повесть Ивана Пересветова о том, как «турский салтан Махмуд» пытался сжечь греческие книги. Вспомнили о кострах из древних книг при царевне Софье и царицах XVIII в. Я спросил старика, что он знает о борьбе крестьян-старообрядцев Урала и Сибири против синодальных губителей старых книг, за свободу своих убеждений, против инквизиторов и миссионеров? Оказалось, познания нашего собеседника много шире того, что известно науке, – он стал называть имена руководителей крестьянского протеста XVIII в., о которых мы и понятия не имели. Откуда такая осведомленность? И тут у него в руках появилась любовно переплетенная им книга с двумя медными застёжками. Вся она состояла из сочинений по истории урало-сибирских крестьян-старообрядцев XVIII и частично XIX вв., и ни одно из этих сочинений не было известно науке!

(По кн. Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами», гл. 2)

Как я уже сказал, свою историю, относящуюся к XVII в., староверы знали плохо. Что до последующих веков, то в этом же скиту нам рассказали о таких событиях и людях, о каких мы даже представления не имели. А потом обнаружился небольшой, переплетенный в оленью кожу, сборник, сплошь состоящий из неизвестных науке произведений уральских крестьян-староверов.

Впоследствии мы нашли много таких сборников. В первую очередь эти находки позволили академикам Панченко и Лихачеву, назвать наши экспедиции «археографическим открытием Сибири».

Оправдан спустя 400 лет

Еще одним важным итогом нашей первой экспедиции стали полезные связи, которые удалось завязать. Благодаря им в следующем году мы отправились в новый, еще не исследованный археографами регион Юго-Западной Сибири.

Там мы нашли сборник 1590-х гг., принадлежавший некогда местным староверам. В годы репрессий их отсюда выселили, а богатейшую книжную коллекцию сожгли. Но несколько книг удалось спасти местной крестьянке.

Один из памятников сборника, имеющий отношение к церковным реформам знаменитого митрополита Макария, мы издали в этом году в Италии. Однако самым интересным оказался список протоколов суда над русским философом и богословом Максимом Греком.

Он прибыл в Москву из Афона в 1518 г., когда Василию III понадобился переводчик греческих книг. Максим Грек быстро выучил русский язык, приступил к переводу богословских текстов, но как человек деятельный и страстный, оказался через несколько лет втянут в интриги коридоров Московского Кремля. Его обвинили в шпионаже в пользу Турции, в умысле против государева здоровья, ереси и т. д. В общем, полный комплект, мало изменившийся в XX в.

Сам суд хорошо известен, но рассказ о нем обрывался на том, что мы называем сегодня обвинительным заключением. Как защищался Максим Грек, какие приводил аргументы, историки не знали. И вот наконец перед нами полный текст Судного списка и еще ряд документов, относящихся к суду.

Все обнаруженные свидетельства однозначно говорят в пользу известного богослова. Его давно уже собирались канонизировать, но мешали два приговора с отлучением от причастия, которые не были с него сняты. Благодаря нашей находке Максима Грека удалось оправдать – спустя 400 лет после суда. И в 1988 г. на Поместном соборе Русской православной церкви в честь тысячелетия крещения Руси он был причислен к лику святых.

МАКСИМ ГРЕК

В годы коллективизации в селах этой алтайской долины шла бурная и кровавая ломка общественных отношений. Богатейшая коллекция старопечатных книг и рукописей, собиравшаяся крестьянами со времен Екатерины Великой, была обречена. Книги провели зиму в сарае без крыши, несколько нижних фолиантов ушли в снег, и их не заметили, когда уникальную библиотеку вывозили для варварского сожжения. Весной местная крестьянка нашла их и забрала к себе. И вот, спустя четыре десятка лет, передо мной лежит одна из спасенных ею рукописей. Зима, проведенная под снегом, не прошла даром – многие листы слиплись в сплошной блок, ни один водяной знак не просматривался. Правда, книга открывалась в двух-трех местах, и в одном из них я обнаружил дату – 1591 г., время создания одного из произведений. Это «Житие святого благоверного князя Александра Невского», хорошо известный памятник древнерусской литературы.

На одном из привалов, после недолгой просушки книги в тени, несколько листов почти совсем отошли друг от друга, и мне в глаза бросилась строка, сразу определившая серьезность находки: «и митрополит Даниил спросил Максима Святогорца...». Это было знаменитое «Прение митрополита Даниила с Максимом Греком», известное также под названием «Судного списка» Максима Грека. Памятник известен по одному-единственному списку середины XVII в., содержащему множество противоречий и умолчаний и обрывающемуся после обвинительной речи митрополита. Аргументы обвинения были давно известны историкам, а о защите Максима мы знали очень мало. Многие исследователи у нас и за рубежом лишь строили догадки, о чем шла речь во второй половине источника. Понятно поэтому то волнение, которое я испытал, когда убедился, что мы приобрели сборник, в котором есть рукопись «Судного списка» Максима Грека. С первого же взгляда было видно, что рукопись намного древнее известной. Но не меньше нас волновало другое: будет ли она более полной? Приблизительный объем интересующей нас части стал ясен, как только стали отделяться друг от друга верхние края слипшихся листов. Красивая убористая скоропись, характерная для памятника, покрывала в два с лишним раза большее количество листов, чем то, что могла бы занять уже известная часть «Судного списка»!

(По кн. Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами», гл. 4)

Сборник 1590-х гг., найденный во второй археографической экспедиции СО РАН, находился в плачевном состоянии. Несколько спасенных чудом книг – это все, что осталось от богатейшей коллекции староверов, уничтоженной в период коллективизации. Открыт на уникальном историческом документе – «Судном списке» Максима Грека. Под ним страница «Жития Александра Невского» с заставкой и вязью. Хранилище отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН

Все, чем мы занимаемся в экспедициях, называется полевой археографией. Однако поиском книг дело не ограничивается. У нас есть такая формула: выявление, изучение, издание. Последнее требует тщательной подготовки. Приходится подолгу работать в архивах XVII–XIX вв., большинство из которых вывезено в Москву и Санкт-Петербург, чтобы прояснить судьбу лиц, упоминаемых в книге.

Так, в сборнике из собрания о. Палладия – нашей первой экспедиционной находке – назывались сочинения совершенно неизвестных науке писателей: Мирона Галанина, холопа Максима, приказчика демидовских и осокинских заводов Родиона Набатова. О каждом из них удалось узнать много интересного.

ИНДИКОПЛОВ НА АЛТАЕ

У пустынниц и крестьян, живущих по алтайской реке Убе, до сих пор почитается книга, хорошо известная раннесредневековому читателю. Это «Христианская топография» сирийского монаха Косьмы Индикоплова – своеобразная энциклопедия географических и космологических знаний древнего мира. Написанная в середине VI в., на русский язык она была переведена на рубеже XI–XII вв.

Косьма в ней не только излагал восходящие к Птолемию взгляды на геоцентрическое строение Вселенной и пересказывал многие страницы Библии, но и повеествовал о своих путешествиях, в коиx доходил до самой Индии. Богато иллюстрированные рассказы об острове «Венеция», «тоземцах» Индии и разных сказочных животных, таких как «единорожец», «вепреслон», «водный конь», пользовались особой любовью читателей.

Рукопись, что подарила мне на прощание матушка Афанасия, легко датировалась по голубой бумаге началом XIX в., но по почерку и многочисленным иллюстрациям было видно, что ее создатель очень старательно скопировал манускрипт XVI в. Благодаря обилию и качеству рисунков эта книга стала, пожалуй, самой яркой нашей находкой на Убе.

(По кн. Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами», гл. 9)

«Единорожец» и «водный конь», Адам и Ева, строительство Вавилонской башни. «Христианская топография» Косьмы Индикоплова. Рукопись начала XIX в. Из скита на р. Убе в Рудном Алтае. *Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН*

На странице Томской рукописи Степенной книги (1560-е гг.) видна правка митрополита Афанасия – добавленный им рассказ о романтическом знакомстве будущего Великого князя Василия I и литовской княжны Софьи Витовтовны. *Томский краеведческий музей*

ПО СТУПЕНЯМ ЦАРСТВИЙ

В 1977 г., работая в хранилище Томского краеведческого музея, Н. Н. Покровский обнаружил, как вскоре выяснилось, древнейший из списков «Степенной книги царского родословия» – памятника, созданного в эпоху правления Ивана Грозного и представляющего собой первую попытку обобщающего изложения русской истории.

Водяные знаки на бумаге указывали на возможность датировки рукописи 1550–1560 гг.; последние события, описанные в книге, относились к 1560–1563 гг.

Томский список оказался одновременен с ранее известным Чудовским списком. В 2001 г. петербургский исследователь А. В. Сиренов прибавил еще один список того времени – Волковский. Сличение трех манускриптов выявило совпадение почерка, бумаги, сделанной на полях правки. Похоже, все три рукописи одновременно лежали на столе скриптория в кремлевском Чудовом монастыре.

Сложилась уникальная текстологическая ситуация, требующая по-новому взглянуть на историю создания знаменитого памятника.

К имеющимся трем спискам были добавлены еще три (конца XVI—начала XVII вв.), и ученые под руководством Покровского приступили к изучению и сравнению списков.

В ходе кропотливой работы специалистов из СПбГУ, Государственного исторического музея и Института истории СО РАН были учтены все пометы, исправления и различия между вариантами, столь важные для воссоздания авторского замысла и понимания его дальнейшего развития.

В 2007–2009 гг. вышло полное двухтомное издание текста памятника, открывшее доступ исследователям к самым истокам создания произведения, оказавшего значительное влияние на отечественную историческую науку Нового времени. Третий том (комментарий) готовит профессор Калифорнийского университета Г. Ленхофф

УРАЛЬСКИЕ КЕРЖАКИ

Освобождение старца Ефрема Родион Набатов готовит тщательно, уделяя основное внимание организации сети тайников, где бы Ефрем смог укрыться после побега. Сотни рублей шлет он в разные места Западной Сибири и Урала. Подготовка занимает около трех месяцев. Наконец, все готово. На нескольких вариантах маршрута Ефрема ждут сменные лошади. Первые сани будут стоять под самыми стенами Тобольского кремля. Остается самое рискованное – подготовить все внутри этих стен. Здесь надо все увидеть и рассчитать самому. И Родион проникает в кремль, в тюрьму, где сообщает Ефрему все детали и дату побега.

19 декабря в 11 часов ночи старца Ефрема ведут по тюремному двору назад в камеру. «Почему-то» с него сняты ножные кандалы, оставлены лишь ручные, и сопровождает его только один караульный. Они останавливаются у кремлевской стены, рядом с узкой бойницей, обычно забитой ставнями. Но сейчас их нет. Впоследствии караульный на жесточайших пытках будет утверждать, что ничего не знал о побеге. Он всего лишь отвернулся «для мочения» и вдруг заметил, что Ефрем исчез. Шестидесятилетний старец в ручных кандалах выбросился в бойницу, скатился с 50-метрового заснеженного холма, на котором стоял Тобольский кремль, а внизу его уже ждали сани. Как ни пытались отыскать старца разосланные во все стороны воинские команды, но сделать этого они так и не смогли.

(По кн. Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами», гл. 3)

Н. Н. Покровский и А. И. Солженицын. Новосибирск, Дом Ученых. 1994 г.

Родион Набатов, например, оказался не просто приказчиком, но и рудознатцем. С его именем связано открытие серебряных руд на Алтае, строительство рудоплавильных заводов на Урале и Алтае. В то же время он был тайным старообрядцем, провел несколько блестящих операций по освобождению старообрядческих лидеров, в частности, известного старца Ефрема. Самого Набатова в конце концов арестовали и, по одним сведениям, он кончил свои дни в заточении, а по другим, был выдан своему первому хозяину в Троице-Сергиев монастырь.

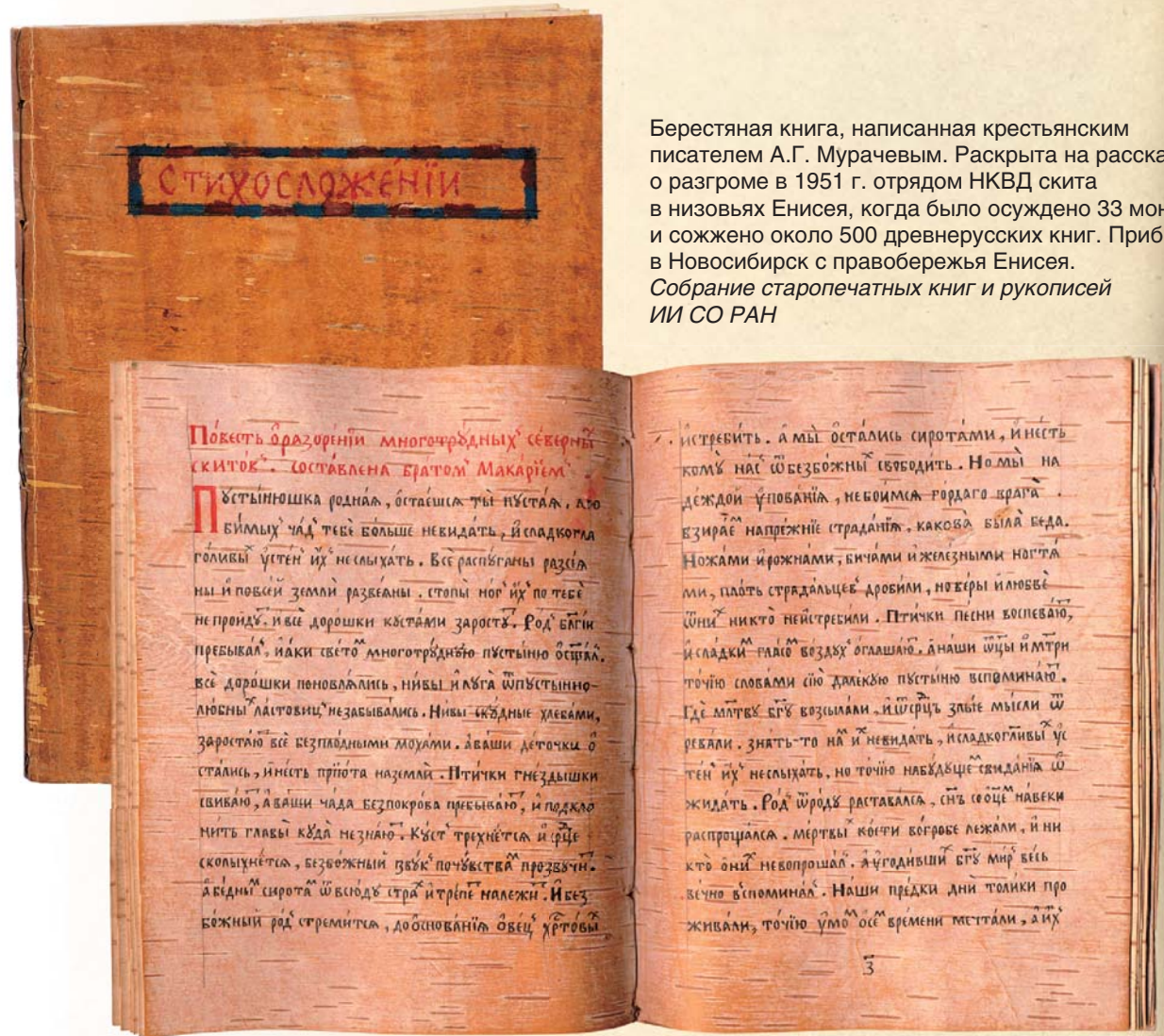
Это один из примеров, а таких великое множество. Одно упоминание в книге – и за ним следует долгий и кропотливый поиск по архивным хранилищам и библиотекам, позволяющий раскрыть судьбы неизвестных прежде людей.

Писано на бересте

Талантливые писатели-старообрядцы встречались не только в XVIII в. В 1988 г. судьба свела меня с А. Г. Мурачевым, автором целого ряда полемических сочинений, в том числе об уничтожении природы современной высоконаучной цивилизацией. Он активно участвовал в создании трехтомного «Родословия» урало-сибирского согласия часовенных, написал яркую автобиографию.

В центре внимания многих произведений писателя лежит один из самых трагичных эпизодов его жизни – разгром в 1951 г. карательным отрядом НКВД главного скита часовенных на Нижнем Енисее, арест и гибель скитожителей, сожжение уникальной коллекции, насчитывающей более пятисот древнерусских книг. История эта довольно точно описана А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Существуют и несколько свидетельств, оставленных самими пострадавшими. Но самый подробный и волнующий рассказ о тех событиях принадлежит Мурачеву.

Узнав, что Афанасий Герасимович владеет древней техникой подготовки бересты для письма чернилами, археографы попросили записать на ней какой-нибудь текст о тех бурных событиях. В исторических источниках

Берестяная книга, написанная крестьянским писателем А. Г. Мурачевым. Раскрыта на рассказе о разгроме в 1951 г. отрядом НКВД скита в низовьях Енисея, когда было осуждено 33 монаха и сожжено около 500 древнерусских книг. Прибыла в Новосибирск с правобережья Енисея. *Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН*

начиная с XVII в. содержится несколько упоминаний о том, что в Сибири из-за нехватки и дороговизны бумаги использовали бересту. Причем писали на ней не только деловые записки и молитвы, как это было в Великом Новгороде, но и обширные тексты сибирских летописей. До нас берестяные книги, к сожалению, не дошли, лишь недавно стали известны короткие тексты, написанные в XX в. в одном томском скиту.

И вот, в конце 1991 г. в Академгородок из енисейской тайги пришла книга, состоящая из 18 листов тонко выделанной бересты. Кроме четырех стихотворных рассказов о событиях 1951 г. самого Афанасия и чернецов Виталия и Макария в ней содержалось еще несколько текстов, в том

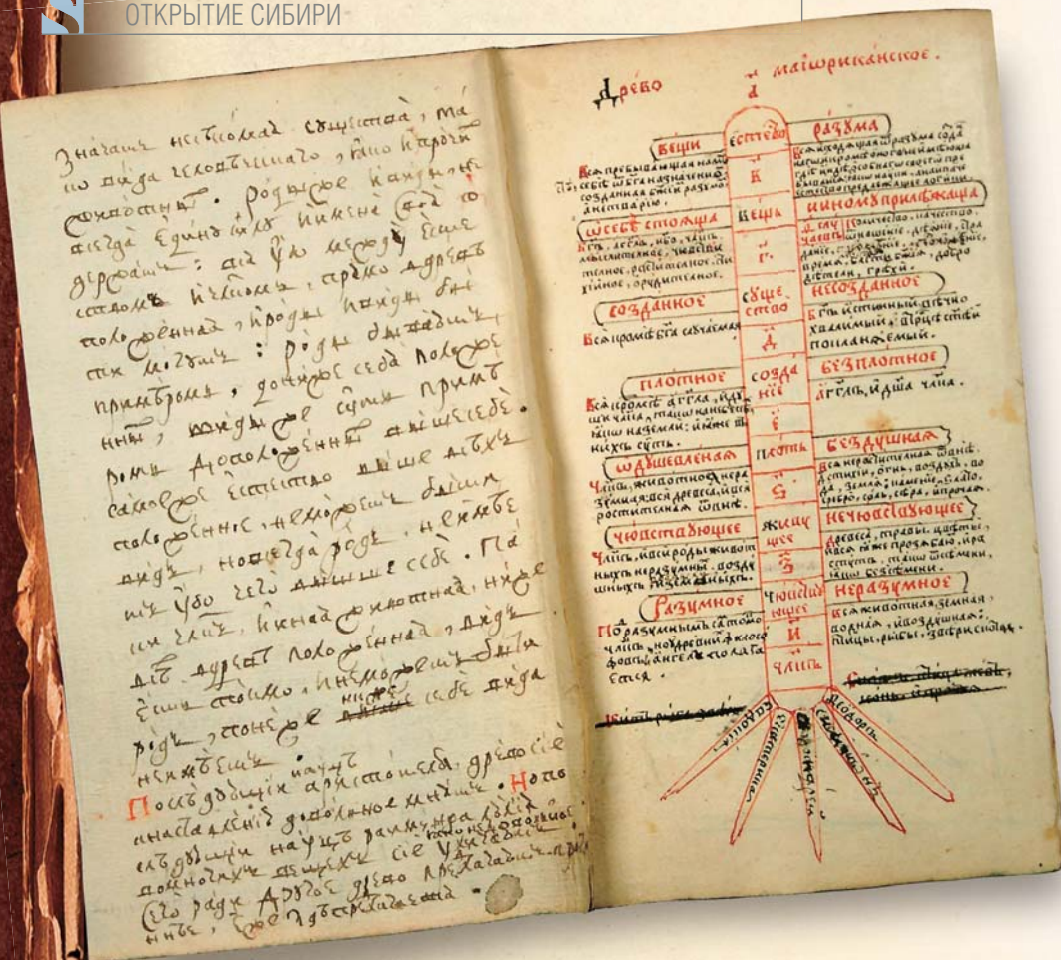
числе духовные нравоучительные стихи, стихотворные послания монахиням, акростих о важности чтения книг.

Таежный ксерокс

Во времена советской власти было уничтожено колоссальное количество памятников культуры, в том числе древних книг: долгие годы мы буквально шли по пепелищам сожженных собраний. Теперь пришла новая беда – частный книжник-перекупщик. Правда, остается надежда, что когда-нибудь приобретенное им все же объявится, пусть не в знаменитых государственных собраниях (цены для наших библиотек просто неподъемны), но у частного коллекционера, истинного любителя и знатока древнерусской книги.

Большинство изданий, которые наш сектор получает сегодня, – результат старых, наработанных годами, связей. Но времена меняются, и в полевой археографии происходят изменения. Например, обитатели когда-то одного из самых замкнутых скитов енисейских узнали о своих родственниках в США и Канаде – ведь за годы гонений староверы расселились по всему Старому и Новому Свету.

Скитожители наладили со своими родичами связь, завязали переписку. Зарубежные единоверцы стали частыми гостями в скиту:

Андрей Денисов, один из основателей старообрядческого движения XVIII в., талантливый писатель, проповедник и богослов, сократил и творчески переработал «Великую науку» Раймунда Люллия, создав практическое руководство по ораторскому мастерству. Некоторые его последователи дополняли списки «Великой науки» заговорными текстами. На фото – разговор Люллия в редакции А. Денисова (черновой автограф). Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург)

Иногда из экспедиций привозили иконы, валявшиеся в райкововских сараях или на чердаках безбожных потомков староверов. Слева – Спас (в металлическом окладе и киоте, XIX в.), справа – Господь Вседержитель (в металлическом окладе, XIX в.), на переднем плане – Святитель Николай (трехстворчатый складень, медное литье, XIX в.). Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН

«ВОЛХИТНЫЕ КНИЖКИ»

В одном из кержачских поселений, славившемся с незапамятных времен своими колдунами, я услышал о том, что лет тридцать назад в их краях ходил рукописный вариант известной на Руси книги – «Великой науки» арагонского философа XIII в. Раймунда Люллия. Бывший поэт, ставший суровым аскетом и проповедником, пытался создать «великую науку» – единую систему, объясняющую логическим путем все догмы христианской идеологии и истины положительных наук. Многочисленные ученики и последователи Люллия, переписывая сочинения учителя, немало добавили в них сведений разного плана, а особенно из области астрологии и магии, так что Люллий стал посмертно крупным авторитетом именно в этой, во многом чуждой ему сфере.

Предпринятые мною в экспедициях розыски книги Раймунда Люллия результата не дали, но в Сибири мне не раз приходилось убеждаться в том, что волшебные, заговорные тексты являются важной составной частью крестьянской книжной культуры. Несмотря на строгие запреты на все, что связано с магией и волшебством, даже самые суровые старики кое-что цитировали по памяти из этих книг. Долгое время я искал «волхитные книжки» в архивах, расспрашивал о них носителей старой традиции в отдаленных лесных и горных поселениях, и в конце концов мне повезло. В Центральном государственном архиве древних актов в Москве сохранилось дело лекарского ученика Молодавкина. Это небольшое по объему дело – листов пятьдесят стандартной канцелярской скорописи XVIII в. и маленький конверт со вскрытой сургучной печатью. И в нем искомое – подлинная «волхитная книжка».

Иван Молодавкин, ученик лекаря Измайловского полка, позаимствовал ее у крестьянина Матвея Овчинникова, чтобы переписать заговор «дабы ево бабы и девки любили». В «волхитной книжке» оказался целый набор текстов любовных заговоров, начиная от сравнительно нейтрального по отношению к церковному учению и кончая формулами прямого отречения от Христа и перехода под власть Сатаны. Пронизанные яркими образами, поэтическими сравнениями, они производили сильное впечатление на читающего.

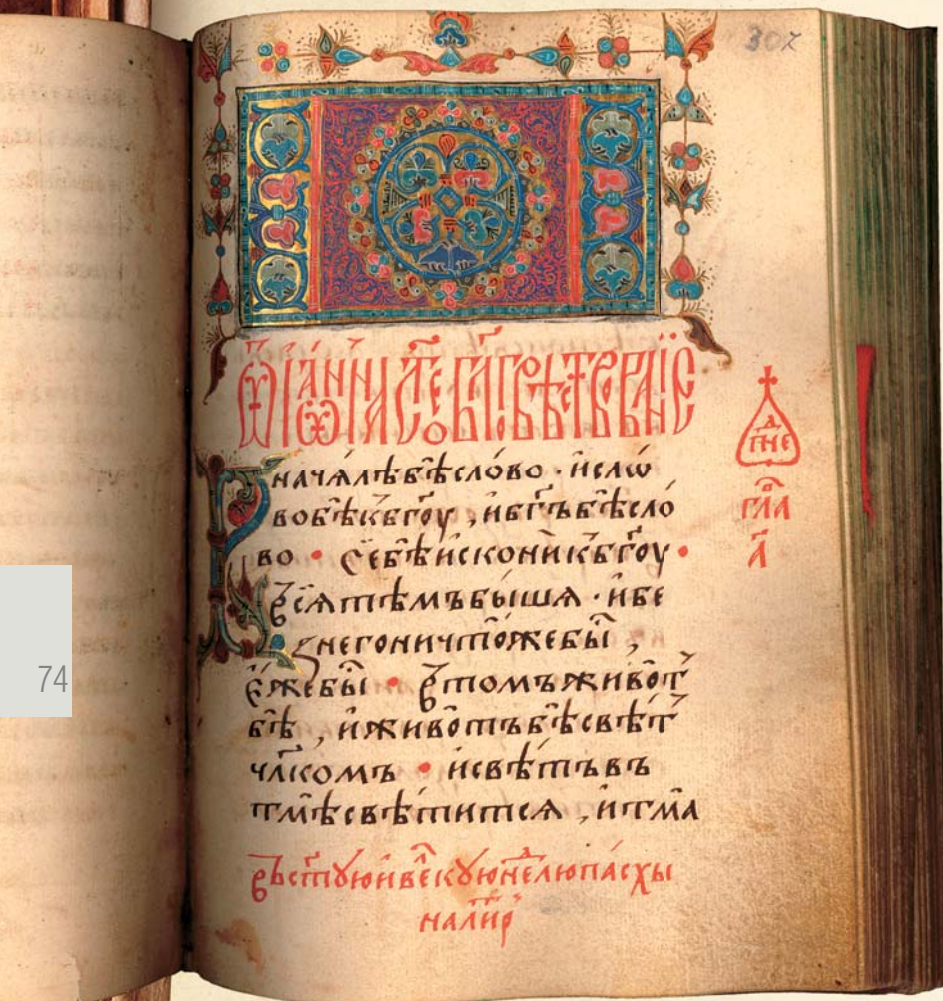
(По кн. Н. Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами», гл. 6)

«Волхитная книжка» лекарского ученика Молодавкина. Российский государственный архив древних актов, г. Москва

на полянку стал опускаться вертолет, в скиту появился движок, потом ксерокс... И теперь мы некоторые, подчас уникальные, произведения получаем достаточно просто: староверы присылают нам или уже готовую ксерокопию или саму книгу с обязательством вернуть ее после снятия доброго десятка копий. Так мы обзавелись старообрядческой книжной полемикой XXI в.

Вспомним, что сама старообрядческая литературная традиция начиналась, среди всего прочего, со споров о том, как складывать персты для крестного знамения и благословения. Сейчас эти споры дошли в Новом Свете до таких тонкостей, которые протопопу Аввакуму и не снились. Совсем как в стародавние времена, представители разных лагерей шлют друг другу обличительные послания, богато цитируя при этом византийскую и древнерусскую литературу. Эти чрезвычайно любопытные тексты мы уже начинаем издавать.

Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН насчитывает около 2 тыс. единиц. Среди них многие известные памятники древнерусской литературы в списках XVI—XX вв. Это тексты агнографического, исторического, так называемого «естественно-научного» и других жанров, традиционно ценимые книжниками русского средневековья.

Хорошо представлены в собрании старообрядческие сборники. Традиционно в них включались образцы святоотеческой литературы, толкования на Апокалипсис, извлечения из трудов пустынножителей и т.п. Значительная часть фонда введена в научный оборот. Изданы два тома «Описания рукописей из собрания ИИ СО РАН» (1991, 1998 гг.), подготовлен к печати третий том. С электронной версией описания можно ознакомиться на сайте института. Тексты собрания издаются в сериях «Археография и источниковедение Сибири», «История Сибири. Первоисточники»

Три тома, написанных зауральскими крестьянами Макаровыми: собрание византийских, древнерусских текстов и сочинений поморских и урало-сибирских староверов. Привезены из Тюменской обл.

Рукописное Евангелие 1530-х гг., один из бесценных памятников книжности Древней Руси. В начале текста каждого из четырех Евангелий помещены красочные заставки, часто это нововизантийский орнамент по листовому золоту. Принадлежало алтайской крестьянке матушке Измарагде из скита в верховьях р. Енисей.

Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН

Откуда у меня такой интерес к староверам? Именно эти люди бережно, зачастую с опасностью для жизни, хранили древние манускрипты начиная с середины XVII в., когда правительство запретило многие церковные книги, изданные до реформы Никона. Значительная часть собраний древнерусских книг в библиотеках и хранилищах обеих столиц, знаменитых коллекций русской иконы в Третьяковке и Русском музее – все это бывшие коллекции староверов.

Они не только хранили, но и продолжали христианскую литературную традицию. Созданные ими произведения раскрывают черты народного религиозного сознания, в основе которого лежит все та же православная вера, но при этом оно имеет свои отличительные особенности, как и часто упоминаемый ныне народный монархизм.

Мы начали заниматься этими вопросами раньше многих других. Это стало возможным благодаря относительной идеологической свободе новосибирского Академгородка, охраняемой тогдашним главой Сибирского отделения академиком Лаврентьевым, к которому я не раз я обращался за помощью. На меня ведь и доносы писали, и требовали увольнения из университета, но Михаил Алексеевич всегда меня отстаивал.

Благодаря его стараниям, а также поддержке наших коллег из Москвы и Ленинграда, в частности академиков Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта, наш археографический центр продолжал работу: снаряжались экспедиции, издавались памятники, проводились исследования – и все меньше белых пятен оставалось на карте сибирского старообрядчества...

В публикации использованы фотографии из архива ИИ СО РАН и личного архива Н. Н. Покровского

Редакция благодарит за помощь в подготовке публикации сотрудников ИИ СО РАН д.и.н. Н. Д. Зольникову, д.и.н. А. Х. Элрета, к.и.н. Е. В. Комлеву, д.ф.н. Т. В. Панич, к.ф.н. О. Д. Журавель

Н. Н. Покровский на отдыхе в г. Ростов-на-Дону (справа – статуя продавца сбитня, знаменитого древнерусского напитка). 2008 г.

Литература

Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; под. ред. С. О. Шмидта. М.: Изд. ГИИ СССР, 1971. 186 с.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.

Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами / 3-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 339 с.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии / Под ред. Н. Н. Покровского, Г. Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1; 2008. Т. 2.